

Глава 4. Белая свинья разоблачает

Ни один мускул на его лице не дрогнул.

Он стоял передо мной с безупречной осанкой, изящно склонил голову и голосом, способным потягаться с профессиональным вокалистом, назвал своё имя:

— Бенджамин, к вашим услугам.

— А-а...

Страшно... Он злится, определённо злится!

На первый взгляд кажется, что он совершенно невозмутим, но за спиной Бенджамина полыхает не просто алое, а самое настоящее синее пламя.

Хи-и-и-и!

Но я всё ещё хочу кое-что спросить. Держись, я!

— Бенджамин, ты... чем именно ты занимаешься по работе...

«Чем именно ты заведешь?»

Договорить до конца я так и не смог.

Потому что на этот раз он буквально просверлил меня своими узкими острыми глазами. Хи-и-и.

— Сейчас... я выполняю чёрную работу.

Сейчас? Значит, раньше было по-другому?

От него и впрямь исходит такая аура «я всё умею», что давление просто колоссальное... Он похож на дворецкого даже больше, чем тот коварный и злобный дворецкий...

— Сколько человек выполняют чёрную работу?

— Простите?.. В это время приходящие уже ушли, так что осталось примерно пятеро живущих при доме.

Хм.

Обладают ли «ки» этих пятерых тем же уровнем, что и у Бенджамина?.. Хочу увидеть это своими глазами и убедиться.

Мне отчаянно нужны союзники! Зброшенный в этот совершенно незнакомый мир, я жажду обрести способных и честных людей!

— Позови всех в эту комнату. Да, и постарайся, чтобы другие слуги не заметили. Сможешь?

Пожалуйста! Не спрашивай ни о чём, просто помоги!

— Как прикажете. В таком случае я немедленно подам ужин.

Бенджамин, не меняясь в лице, проворно расставил тарелки и столовые приборы, после чего тихо покинул комнату.

Но синее пламя его гнева так и не исчезло до самого конца...

Я даже не мог заставить себя притронуться к еде и, подавляя нетерпение, молча ждал возвращения Бенджамина.

Тук-тук. Когда в дверь постучали снова, на самом деле прошло, думаю, не так уж много времени, но мне оно показалось невероятно долгим.

— Поскольку у работников кухни ещё есть дела, я привёл лишь этих четверых.

— Угу.

Передо мной в ряд выстроились слуги: один мужчина и три женщины.

Я внимательно разглядывал их одного за другим, изучая «ки», поднимающуюся за их спинами.

М-м-м, я полностью доволен!

— Хорошо. Прошу прощения, но представьтесь по очереди. И да, давайте поговорим, сидя вон там.

Я попытался переместиться к диванному гарнитуру у стола, где была расставлена еда... но встать не смог.

Ко... колени... живот мешает, не могу подняться, да и вообще тело слишком тяжёлое, чтобы проделать такой трюк, как обычный подъём.

Ну-у-у-у...

Помогите! Хелп ми!

Заметив мои мучения, Бенджамин подал мне руку и проводил до самого дивана.

Плюхнувшись — один на диван, где могли бы уместиться трое, — я предложил им занять другие места, но они из вежливости отказывались садиться.

— Тогда это приказ. Садитесь.

Бенджамин и слуга-мужчина неохотно сели, а женщины, глядя на меня с плохо скрываемой неприязнью, тоже опустили на стулья.

Как же, чёрт побери, меня ненавидят-то.

— Итак, позвольте представить всех так, как того желает господин. Это Норман, мой приёмный сын; старшая работница — Лайла; слева от неё — Мари; а это — Мэй.

Пока Бенджамин называл их имена, каждый в знак приветствия склонял голову.

Ну что ж, давайте поговорим начистоту!

Что касается «ки», которую я увидел... У Бенджамина она оказалась яркого сине-серебристого цвета с проблесками лёгкого серого оттенка.

Была там и небольшая примесь чёрного, но не той черноты, что у тех типов, а скорее похожая на хитрецу, свойственную пожившему человеку.

У Нормана преобладал красивый зелёный цвет, идеально сочетающийся с его молодой внешностью, с вкраплениями оранжевого и опять же лёгким серым оттенком.

«Ки» Лайлы, Мари и Мэй была в основном бледных, изящных оттенков красного, с точечными вкраплениями жёлтого, фиолетового и других цветов — словно для контраста.

Общим у всех было одно: временами проскальзывала лёгкая дымка серого цвета.

При взгляде на такую «ки» у меня поднялось настроение и стало как-то свежо на душе — я решил, что все они хорошие люди!

Возможно, это чересчур примитивный подход, но сейчас мне не на что больше положиться... вздох-вздох.

Что ж, я принял подобающую позу... попытался принять... это оказалось практически невозможно, поэтому я просто кашлянул и, по очереди оглядев лица всех присутствующих, сделал признание:

— По правде говоря... у меня нет никаких воспоминаний о прошлом.

Поэтому я и не знаю даже ваших имён.

Лайла и другие женщины застыли с ошеломлёнными лицами, а Норман крепко сжал руки, силясь сдержать волнение.

Лишь один Бенджамин прищурился, глядя на меня так, будто увидел нечто необычайное.

— Дин! Никому не позволять входить в эту комнату!

Тук-тук.

Дверь постучали со стороны коридора.

Похоже, это был ответ «понял» от того самого Дина.

— Там кто-то есть?

— На всякий случай за дверью дежурит мой сын Дин. Мой сын — лакей, а не чёрнорабочий.

А, вот как.

Звучит как софистика, ну да ладно.

Я попросил Бенджамина позже дать мне встретиться с его сыном и продолжил рассказ.

О том, как прямо посреди разговора о расторжении помолвки между прекрасной юной дочерью и легкомысленным парнем мои воспоминания внезапно исчезли.

О том, что я не знаю, где нахожусь, кто я такой, какие здесь приняты нормы и образ жизни.

Услышав это, даже Бенджамин выглядел удивлённым.

— Вы не знаете ни образа жизни, ни общепринятых норм?

— Именно... например, перьевая ручка на столе. Я лишь смутно понимаю, как ею пользоваться.

В конце концов, в прошлой жизни я был избалован бесконечным выбором пишущих принадлежностей, и считалось абсолютной нормой, что написанное можно стереть!

Писать, обмакивая в чернила? Я делал такое только на уроках каллиграфии в начальной школе, когда макал кисть в тушь.

После этого, отвечая на вопросы Бенджамина, я почувствовал жажду и взял в руки чашу с водой, и тут все окончательно признали, что у меня нет памяти.

Ведь пить воду из пальчиковой чаши... Это даже забавно, когда осознаёшь, что чуть не совершил ту же ошибку, что и герой одного известного анекдота.

<http://bllate.org/book/17979/1727973>